

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Ватанабэ Кику

**МОДАЛЬНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ И РЕФЕРЕНТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В ИНФИНИТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ
ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА (XI–XIV ВВ.)**

Специальность 10.02.01. – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

В

Санкт-Петербург
2008

Диссертация выполнена на кафедре русского языка факультета филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Черепанова Ольга Александровна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Тарланов Замир Курбанович

кандидат филологических наук, доцент
Фомин Александр Игоревич

Ведущая организация: **Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого**

Защита состоится « 25 » декабря 2008 г. в 17³⁰ часов на заседании совета Д 212.232.18 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Санкт-Петербургском государственном университете по адресу: 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д.11, факультет филологии и искусств, Санкт-Петербургский государственный университет, ауд. 195.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета (199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7/9).

Автореферат разослан « 21 » ноября 2008

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000552220

Ученый секретарь
диссертационного
совета Д 212.232.18

кандидат филологических наук, доцент
Руднев Дмитрий Владимирович

Инфинитивные предложения и их модальные значения не раз становились предметом исследования в русском языке.

Синтаксической проблематикой инфинитивных предложений занимались крупнейшие русские ученые: в области современной русской грамматики А.А. Шахматов, Д.Н. Овсянко-Куликовский, А.М. Пешковский, В.П. Сухотин, В.В. Виноградов, Е.М. Галкина-Федорук, А.Г. Руднев, Н.Ю. Шведова, В.В. Бабайцева и др.; в историческом аспекте Ф.И. Буслаев, А.А. Потебня, Л.А. Булаховский, К.А. Тимофеев, В.И. Борковский, А.Н. Стеценко, В.Л. Георгиева, К.Н. Озолина, О.А. Черепанова, З.К. Тарланов, Е.А. Седельников и др.; с позиций семантического синтаксиса Г.А. Золотова, С.С. Ваулина, В.А. Белошапкова, М.А. Шелякин, Т.В. Шмелева, А.И. Фомин и др.

Весьма широкое понимание категории модальности представили Ш. Балли в европейской лингвистике и В.В. Виноградов в советском языкознании. На сегодняшний день имеется большое число работ, посвященных изучению категории модальности, – работы В.Г. Адмони, В.Г. Гака, Н.Е. Петрова, И.П. Распопова, П.А. Леканта, С.И. Небыковой, В.З. Панфилова, В.Н. Бондаренко, А.В. Бондарко, Г.А. Золотовой, Т.В. Шмелевой, Т.В. Романовой и др.

Но эти ученые обращали преимущественное внимание на классификацию модальных значений инфинитивных предложений; на вопрос, при каких условиях какие модальные значения имеют инфинитивные предложения, в полной мере науке ответить не удалось. Многие исследователи полагают, что модальные значения инфинитивных предложений зависят преимущественно от контекста.

По мере развертывания изучения модальности предложения, исследователи начали обращать большее внимание на семантику предложения. Под влиянием работ по категории модальности Ш. Балли, В.В. Виноградова и их последователей современные синтаксисты стремятся проанализировать модальность, выраженную морфологическими, лексическими способами. Если мы говорим об инфинитивных предложениях, то в них модальные значения актуализируются преимущественно без использования лексических средств. Поэтому при анализе модальных значений в этих предложениях исследователи порой классифицируют модальные значения, руководствуясь жанром текста, порой – учитывая типы коммуникативной направленности высказывания.

Однако семантический подход к анализу инфинитивных предложений не лишен субъективизма. Даже если лингвисты и стараются избавиться от субъективного подхода при анализе в каждом конкретном случае, в результате их классификации модальной семантики инфинитивных предложений заметно отличаются одна от другой. Возможно ли установить какие-либо объективные критерии, обуславливающие модальные значения

инфинитивных предложений?

Ставя своей задачей поиск объективных, в известной мере универсальных, критериев квалификации модальных значений инфинитивных предложений и оперируя материалами памятников XI–XIV веков, мы отдаем себе отчет в том, что эволюция языка вносит свои коррективы в структуру языка и коммуникативные отношения в высказывании.

Необходимо принимать во внимание слабое развитие лексико-грамматических средств выражения модальных значений в ранний период, таких как модально-предикативные слова (*надо, нужно*), глаголы модальной семантики (*следует, подобает* и под.), активизация которых в более поздний период обеспечивала конкретизацию модальной семантики высказывания. В ситуации слабой представленности лексико-грамматических средств повышается роль инфинитивных предложений как носителей модальной семантики; в то же время следует учитывать возможную широту диапазона модальной семантики высказывания, обнаруживающуюся как со стороны того, кто порождает высказывание и реализует его в форме инфинитивного предложения, так и со стороны воспринимающего это высказывание.

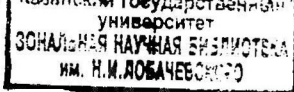
Кроме того, еще не до конца выяснено синтаксическое и функциональное соотношение в древнерусском языке инфинитивных предложений и инфинитивных конструкций с формами глагола *быть* (конструкции «*быть+И*»). До сегодняшнего дня синтаксическая и модальная близость инфинитивных предложений и конструкций «*быть+И*» древнерусского языка мало привлекала исследователей. В диссертации этой проблеме также уделено внимание.

Названные выше проблемы определяют **актуальность** диссертационного исследования.

Цель диссертационной работы состоит в том, чтобы с максимально возможной полнотой установить соотношение модальной семантики инфинитивных предложений и контекста в памятниках древнерусского языка на основе положений семантического синтаксиса, а также попытаться установить объективные условия актуализации того или иного модального значения инфинитивных предложениях древнерусского языка.

Поставленной целью определяются следующие **задачи исследования**:

1. установить роль в формировании модальной семантики инфинитивных предложений содержательных аспектов — актуализационного, включающего «персонализацию» и «временную локализацию», и квалификативного, определяемого «авторизацией» и «интенциональностью» высказывания;
2. рассмотреть случаи отсутствия интенции со стороны автора/говорящего на текст, конкретнее, оценить влияние конфессионального контекста, метатекста и формы высказывания на определенную модальность

- («желательность» с частицей *бы*);
3. выяснить отношение между модальностью инфинитивных предложений и конструкций «*быть+И*» и жанром текста на основе понятия «интенциональность/внеинтенциональность».
  4. предложить «объективный» способ классификации модальных значений в инфинитивных предложениях;
  5. предложить «объективный» способ определения модального значения.

Материалом исследования служат древнерусские памятники XI–XIV вв. различных жанров: летописи, жития, хождения, поучения, памятники деловой письменности и т. д.; в том числе Повесть временных лет, Ипатьевская летопись, Поучение Владимира Мономаха, Слово (Моление) Даниила Заточника, Патерик Киево-Печерского монастыря, Житие преподобного Феодосия игумена Печерского, Житие и хождение Даниила Русьских земли игумена, Хождение Стефана Новгородца, Русская правда: пространная редакция по Синодальному списку Новгородской Кормчей 1282 г., Псковская судная грамота, Слово о полку Игореве, Задонщина и ряд других текстов в качестве дополнительных источников. Подробнее смотрите список источников. Из основных источников методом сплошной выборки извлечено около 450 инфинитивных предложений и конструкций «*быть+И*». Материал дополнен контекстами из дополнительных источников.

В качестве основного метода исследования применяется индуктивный метод. Исследование соотношения между автором/говорящим и субъектом действия инфинитивных предложений приводит нас к обобщению и последующим выводам. В то же время для подкрепления нашего мнения использованы положения теории функционально-коммуникативной грамматики и семантического синтаксиса, представленные в исследованиях А.В. Бондарко, Г.А. Золотовой, Т.В. Шмелевой и др. Согласно этим теориям, важным фактором актуализации модальных значений инфинитивного предложения считается степень интенции автора/говорящего, побуждающей субъект инфинитивных предложений стать производителем действия. Наряду с этим, чтобы объяснить расхождение во взглядах на определение модальной семантики инфинитивных предложений, мы используем в нашем исследовании теорию референции, представленную в исследованиях Л. Линского, Дж. Серла, Н.Д. Арутюновой и др. Эта теория актуальна в установлении отношений между интенцией автора/говорящего и фондом знаний читателя.

Научная новизна диссертации заключается в систематическом применении положений и методов семантического синтаксиса к исследованию древнерусского материала. В диссертации впервые описана совокупность условий актуализации как автором, так и читателем соответствующих контексту модальных значений в инфинитивных

предложениях и конструкциях «*быть+И*» древнерусского языка.

Теоретическая значимость диссертации определяется разработкой исходных положений и методов, позволяющих в известной мере объективировать анализ модальной семантики инфинитивных предложений, не только в применении к древнерусскому материалу, но и в общетеоретическом отношении.

Практическая значимость: выводы и фактический материал настоящей работы могут быть использованы для дальнейшего исследования языка памятников древнерусской письменности, в исследованиях по коммуникативному синтаксису древнерусского и современного языка, на практических занятиях по исторической грамматике русского языка для русских и иностранных учащихся, на занятиях по сопоставительной лингвистике.

Структура диссертационного исследования: диссертация состоит из введения, шести глав и заключения. В первой главе дается обзор основных работ, посвященных изучению категории модальности, во второй излагаются наиболее значимые теоретические положения, на которых базируется исследование. Третья глава содержит описание исследуемого материала и его некоторые количественные характеристики. Следующие две главы посвящены исследованию условий актуализации модальных значений в предложениях с инфинитивом: в четвертой главе исследуются модальные значения в инфинитивных предложениях; в пятой – проанализированы модальные значения в конструкциях «*быть+И*» и их соотношение с инфинитивными предложениями. В шестой главе дан сопоставительный анализ модальных значений древнерусских инфинитивных предложений и их переводов на современный русский и польский языки.

Апробация исследования. Основные положения диссертации были изложены в докладах на XXXV, XXXVI и XXXVII международных филологических конференциях в Санкт-Петербургском государственном университете (Санкт-Петербург, 13–18 марта 2006 г., 12–17 марта 2007 г. и 11–15 марта 2008 г.), на международной научной конференции молодых филологов в Тартуском университете. (Tartu, 27–29 апрель 2007 г.), на II международной научной конференции в Сибирском федеральном университете. (Красноярск, 10–12 сентября 2007 г.), на международной научной конференции, посвященной памяти профессоров А.Н. Савченко, М.К. Милых, Т.Г. Хазагерова в Южном федеральном университете. (Ростов-на-Дону, 4–6 октября 2007 г.), на VIII международной научной конференции в Ульяновском государственном университете (Ульяновск, 13–17 мая 2008 г.), на международной научной конференции в Гданьском университете (Gdańsk, 1–5 сентября 2008 г.).

Основное содержание диссертации

Во Введении основывается выбор темы, ее актуальность, формулируются цели и задачи исследования, отмечается научная новизна, теоретическая и практическая значимость, определяются методы анализа, называются источники фактического материала.

В Главе I «Основные проблемы изучения инфинитивных предложений и категории модальности в научной литературе» освещаются история изучения и общие вопросы, связанные с модальными значениями инфинитивных предложений.

В истории развития исследований по проблематике инфинитивных предложений можно назвать три периода. Первый период (до 1950-х гг.) отмечен возрастающим интересом к теоретическим вопросам, связанным с изучением инфинитивных предложений, когда многие лингвисты стремились рассмотреть эти предложения с формальных позиций. Во второй период (1950–70-е гг.) появляется более развернутая классификация инфинитивных предложений, опирающаяся на структурный принцип, что нашло свое отражение в работе К.А. Тимофеева «Об основных типах инфинитивных предложений в современном русском литературном языке»¹. В то же время на исследования, касающиеся проблем модальности, существенное влияние оказала статья В.В. Виноградова «О категории модальности и модальных словах в русском языке», опубликованная в 1950 г.² В третий период, начиная с 70-х гг. (Г.А. Золотова и др.), возникает интерес к коммуникативным отношениям в высказываниях, представленных инфинитивными предложениями.

Обсуждаемые в данной главе концепции показывают, что в принципе имели место два метода в исследовании инфинитивных предложений, ориентированные преимущественно на структурный и на смысловой, коммуникативный аспекты. Условно мы выделили три периода в изучении инфинитивных предложений и их модальных значений. Следует заметить, что в каждый период оба подхода представлены неравномерно. Сначала возник интерес к структурной специфике инфинитивных предложений, а именно к самому инфинитиву, как главному члену односоставного предложения, не зависящему ни от какого другого члена предложения, и к дательному падежу субъекта, которому следует совершить действие, названное инфинитивом.

Вслед за этапом преимущественного изучения структурного аспекта инфинитивных предложений (а именно во второй период), исследователи

¹ Тимофеев К.А. Об основных типах инфинитивных предложений в современном русском литературном языке // Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950. С. 257–301.

² Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Труды института русского языка АН СССР. вып II. М., 1950. С. 38–79.

начали обращать больше внимания на семантику инфинитивных предложений. Под влиянием работ по категории модальности Ш. Балли, В.В. Виноградова и их последователей синтаксисты стремились проанализировать те типы модальности, которые выражены морфологическими способами. Но что касается инфинитивных предложений, то в них модальность актуализируется без использования морфологических средств. Поэтому при анализе модальных значений в этих предложениях исследователи порой определяют модальные значения, руководствуясь жанром текста, порой – различая типы коммуникативной направленности высказывания.

Таким образом, семантический подход к анализу инфинитивных предложений не лишен определенного субъективизма. Хотя лингвисты и стараются избавиться от субъективного взгляда в каждом конкретном случае, тем не менее их классификации заметно отличаются друг от друга. Возможно ли установить, каков механизм формирования модального значения инфинитивного предложения и найти объективный способ определения модальных значений инфинитивных предложений? Перед нами актуальный, неразрешенный вопрос; обращение к историческому материалу еще более обостряет его.

В Главе II «Временная ось и понятие «интенциональность» как объективные критерии классификации модальных значений в инфинитивных предложениях» рассматривается механизм актуализации модальных значений в инфинитивных предложениях с функционально-семантической точки зрения.

Первая часть главы посвящена установлению двух объективных способов актуализации модальных значений в инфинитивных предложениях в русском языке. Первый – «объективный» критерий определения модальных значений. Второй – «объективный» способ классификации модальных значений в этих предложениях.

Используя теорию семантического синтаксиса при анализе модальности инфинитивных предложений, мы попробовали решить вопрос о соотношении процесса актуализации модальных значений и контекста. По нашему мнению, модальность предложения представляется комплексом семантических категорий, включающим три аспекта: 1) актуализационный; 2) квалификативный и 3) социально-культурный.

Актуализационный аспект включает «персонализацию» и «временную локализацию». В этом аспекте акт «временная локализация» играет первостепенную роль, потому что в отличие от других предложений инфинитивные предложения не могут выразить временное значение формами глагола. Для решения данного вопроса мы воспользовались понятием «реальность/ирреальность». В настоящей работе мы установили две временные оси – объективную и субъективную. По объективной временной оси происходит течение действительного времени в

высказывании. Мы установили, что в инфинитивных предложениях существует бинарное противопоставление «реальность/ирреальность», основанием которого является наличие или отсутствие объективной временной оси. Данное положение играет важную роль в определении модальных значений, выраженных инфинитивными предложениями.

В коммуникативной ситуации кроме объективной временной оси, каждое действующее лицо выступает согласно субъективной временной оси, наличествующей в процессе мышления каждого лица.

По нашему мнению, так же, как другие предложения, инфинитивные предложения могут выразить не только ирреальный мир, но и реальный мир, несмотря на то, что в отличие от других предложений инфинитивные предложения не имеют никаких средств для выражения временной парадигмы. В данном случае соединение двух временных осей совершается не при помощи грамматических или лексических средств, а логическими средствами, то есть соединением действующего лица с субъектом инфинитивных предложений и автором/говорящим.

Например, когда субъективные временные оси автора/говорящего и субъекта инфинитивного предложения совпадают друг с другом, тогда возникает общая для них объективная временная ось действительного, реального течения времени. Следовательно, данные инфинитивные предложения выражают реальный мир, а именно реальность, запрограммированную в будущем. Если автор/говорящий не равняется субъекту в инфинитивном предложении, данная коммуникативная ситуация идет по субъективной временной оси каждого актанта. В результате отсутствия объективной временной оси, в данном тексте обнаруживается ирреальный мир, другими словами, появляется ирреальное модальное значение.

В квалификативном аспекте присутствуют акты «авторизации» и «интенциональности». Нельзя не заметить, что инфинитивные предложения всегда имплицитно связаны с «интенциональностью». Это характерная черта модальных значений в инфинитивных предложениях. К тому же в проявлении интенции всегда присутствует субъективизм той или иной степени. Квалификация субъективизма в инфинитивных предложениях – также проблема, которая стоит перед нами.

Социально-культурный аспект оказывается актуальным при условии, если перед нами: 1) название неодушевленного предмета в качестве субъекта инфинитивных предложений; 2) наличие сугубо сакральной семантики слов и контекста; 3) влияние метатекста в юридических памятниках; и 4) модальные значения, выраженные определенной грамматической формой – частицей *бы*.

Этот комплекс непосредственно связан с процессом мышления человека. Следовательно, вышеназванные аспекты, составляющие комплекс, актуализируются в определенном порядке.

Модальные значения в инфинитивных предложениях обязательно предполагают актуализационный и квалификативный аспекты. Социально-культурный аспект, однако, функционирует факультативно, точнее – этот аспект действует только в тексте, где интенция автора/говорящего или теряет силу своего влияния на субъекта действия или какие-либо факторы устраняют его интенцию, направленную на субъект.

Исследователи отмечают, что разные модальные значения инфинитивных предложений (долженствование, необходимость, невозможность, неизбежность и т. п.) имеют способность соединиться с отрицанием.

При анализе модальных значений в инфинитивных предложениях мы устанавливаем, что они могут выражать различные соответствующие контексту модальные значения, например долженствование, необходимость, возможность, неизбежность, желательность и т. д. Эти модальные значения можно определить как обособленные, самостоятельные, достаточно определенные значения. В принципе они, существенно разнясь, не могут соединяться друг с другом.

В отличие от приведенных модальных значений характерной чертой модальности «отрицательность» является ее способность сочетаться с другими модальными значениями.

В соответствии с этим предлагаем разделить отрицательные модальные значения на две группы: немаркированные и маркированные.

Немаркированное отрицательное модальное значение означает непосредственно невозможность. В принципе модальное значение «невозможность» есть результат сочетания «возможности» и «отрицательности».

Однако если в инфинитивных предложениях проявляются маркированные отрицательные модальные значения, т. е. какие-либо модальности кроме «невозможности», то сочетаемая с «отрицательностью» иная модальность, осознанно подчеркнута в тексте. Конкретнее, когда в инфинитивных предложениях при наличии долженствования действует отрицательность, то вместе с отрицательным значением непременно выступает сильная интенция автора/говорящего. В итоге данное модальное значение приближается к значению «запрещение». Если при отрицательности наличествуют Божья воля или сила судьбы, то тем самым акцентируется модальное значение неизбежности. По нашему наблюдению, первое маркированное модальное значение часто встречается в памятниках деловой письменности, а второе – в текстах с религиозным контекстом.

Вслед за установлением объективного способа определения модального значения в инфинитивных предложениях, предложен объективный способ и классификации модальных значений в них.

По нашему мнению, решающим фактором, на основании которого можно классифицировать ирреальные модальные значения инфинитивных предложений, является степень интенции автора/говорящего, обращенной на субъект. Используя понятие «интенциональность» как критерий классификации, мы разделяем ирреальные модальные значения инфинитивных предложений на три группы: 1) ирреальные значения, связанные с интенцией автора/говорящего; 2) ирреальные значения, не зависящие от интенции автора/говорящего; и 3) ирреальные значения, не зависящие от интенции автора/говорящего и выраженные специальными грамматическими формами (частица *бы*).

В первой группе при установлении порядка модальных значений важную роль играет степень интенции автора/говорящего, обращенной на субъект. Если мы попробуем выразить степень интенции автора/говорящего на цифровой шкале, то, беря за точку отсчета модальное значение «возможность», которое возникает в результате нейтрализации (± 0) интенции автора/говорящего, можем установить следующую закономерность: «долженствование (+2)» > «необходимость (+1)» > «возможность (± 0)».

Что касается связи типа субъектов инфинитивных предложений и модальных значений, то можно констатировать следующее:

- 1) «долженствование» ↔ «сам автор/говорящий или коллектив, включающий его (первое лицо)»
- 2) «необходимость» ↔ «конкретное лицо (второе и третье лицо)»
- 3) «возможность» ↔ «обобщенное лицо»

Очевидно, что степень интенции автора/говорящего обратно пропорциональна отвлеченности лица субъекта инфинитивных предложений. Вторую группу составляет модальность «неизбежность», не зависящая от влияния интенции. Третья группа включает модальность «желательность», которая всегда выступает с частицей *бы*.

Таким образом, в настоящей работе на основе объективных критериев удалось выделить семь модальных значений инфинитивных предложений: «реальность, запрограммированная в будущем (будущее время)», «долженствование», «необходимость», «возможность», «неизбежность», «желательность» и «отрицательность».

Во второй части главы рассмотрено соотношение модальности и референции. При интерпретации соответствующего контексту модального значения в инфинитивных предложениях не должно быть вмешательства интенции читателя, поскольку на модальности инфинитивных предложений в тексте прежде всего должна отражаться интенция автора/говорящего. Только если идентифицирующая референция доминирует, т. е. в тех случаях, когда автор/говорящий хочет сообщить что-либо об отвлеченном субъекте (обобщенном лице), который не только не знаком адресату, но не имеет с его микромиром никаких точек

соприкосновения, то обобщенное лицо субъекта инфинитивных предложений должно быть не идентифицировано, а введено в фонд знаний читателя.

Одним из специфических эффектов фонда знаний читателя является ассоциация. Если читатель встречает инфинитивные предложения в каком-либо традиционно известном тексте древнерусской литературы, например, «Слове о полку Игореве», то данная ситуация фиксируется в фонде знаний читателя, а само знание становится фундаментальным. При возникновении сходной текстовой ситуации в другом произведении прежде процесса референтной идентификации у читателя актуализируются соответствующие элементы фундаментального, всеобщего знания, и одновременно данные стереотипные фразы связываются с определенной модальностью.

[и] по Ловоти вннѣ в-Тѣлмѣрѣ шзѣро вѣлнкоѣ. изъ нѣгожѣ шзѣра потчѣтъ Болхотъ и вѣтчѣтъ в озеро вѣлнкоѣ Ново. [и] того шзѣра вѣннѣтъ устье в морѣ въ Варажское и по томѹ морю ити до Рима, а ѿ Рима прѣти по томѹже морю ко Ц(а)рюгородѹ, а ѿ Ц(а)рюгорода прѣти в Поноть морѣ в нежѣ вѣтѣтъ Днѣпръ рѣка. (Пов. вр. лет.) В подобных примерах инфинитивные предложения не вызывают у читателя специальной аналогии с другими произведениями. Однако неидентифицирующая референция доминирует, поскольку автор текста передает сообщение об обобщенном лице, которое и незнакомо адресату, и не имеет с его микромиром никаких точек соприкосновения. И поэтому идентификация обобщенного лица субъекта в инфинитивных предложениях обращена к фонду знаний читателя, в связи с чем каждый читатель вправе сам определить модальное значение.

В Главе III «Характеристика текстов памятников древнерусского языка: к взаимообусловленности жанра и типа модального значения инфинитивных предложений» представлены характеристики материала. Необходимо отметить, что жанр памятника косвенно оказывает влияние на выбор субъектов инфинитивных предложений, на актуализацию модального значения.

В Главе IV «Анализ актуализации модальности в инфинитивных предложениях древнерусского языка» проводится анализ модальных значений инфинитивных предложений в ракурсе функционально-семантического синтаксиса. Если субъект обозначен местоимением первого лица, то интенция автора/говорящего направлена на себя и обнаруживается открыто и максимально. Действие субъекта, выраженного местоимением первого лица на основе реальной модальности, связанной с понятием временной оси, прежде всего соотносено с будущим временем. Но в то же время с учетом квалификационного аспекта, а именно степени интенции со стороны автора/говорящего, инфинитивные предложения при субъекте первого лица включают в себя очень сильное

ирреальное модальное значение, а именно «долженствование»: **ѿ врата своего старѣишаго нѣкъти ны и чтити въ отцѣво мѣсто.** (Докончание в. кн. Семена Ив. 1350–51.) Во-первых, в данном контексте выступает актуализационный аспект. В акте «персонализации» в данной коммуникативной ситуации автор текста и говорящий есть одно лицо, которое выражается местоимением «ны». Акт «временная локализация» в случае, когда субъективные временные оси автора и субъекта действия совпадают в высказывании, указывает на то, что здесь актуализуется объективное, действительное течение времени и выражается реальное модальное значение – реальность, запрограммированная в будущем, другими словами, будущее время.

Во-вторых, в квалификативном аспекте проявляется «авторизация». Текст авторизован, поэтому интенция автора, побуждающая субъект инфинитивных предложений стать производителем действия, активно функционирует. Интенция автора направлена на себя, поэтому она выражена максимально. В результате, кроме значения будущего времени, реализованного в актуализационном аспекте, данное инфинитивное предложение может имплицитно выразить долженствование.

При субъекте конкретного второго или третьего лица, в отличие от первого, автор/говорящий должен учитывать ситуацию субъекта. В результате, хотя интенция автора/говорящего четко отражена, но в сравнении с высказываниями, где в качестве субъекта выступает первое лицо, его влияние на субъект инфинитивных предложений ослабляется. В данном случае при снижении степени интенции автора/говорящего по отношению к субъекту, ирреальная модальность выражена в инфинитивных предложениях слабее, чем модальность при субъекте первого лица. В данном случае проявляется модальное значение «необходимость»: **Володимиру же врату своему Изяславъ рече врати ты еси въ Оугрихъ вѣль оу вата своего оу короля. ты вѣдаишь всю мѣсль и думу ихъ. а товѣ врати и ны(нѣ) потрудити(сѧ) шпаты моиа дѣла ч(ъс)ти и своя и тако Врѣди Изяславъ врата своего Володимира въ Оугриа ко королевю...** (Ипат. лет.)

Когда обобщенное лицо выступает в качестве субъекта, то интенция автора/говорящего не имеет конкретного объекта, и снижается до нейтральной степени, т. е. появляется отражающая самую слабую интенцию автора/говорящего модальность – «возможность»: **ѿ сѧ естъ путь къ Иерусалиму. Отъ Царѧ града по лукоморію итти 300 вѣрсть до Великаго моря, до Пяталы острова 100 вѣрсть.** (Х. Дан. иг.)

В результате подробного анализа текстов древнерусского языка можно констатировать, что в основном наша теория применима во всех случаях. Модальное значение многих инфинитивных предложений есть результат проявления и взаимодействия актуализационного и квалификативного

аспекта. Если вопреки нашим предположениям инфинитивные предложения выражают какое-либо иное маркированное модальное значение, то в этих случаях проявляют себя социально-культурный аспект и процессы, а именно: 1) снижение практически до полного исчезновения интенции автора/говорящего при наличии неодушевленного предмета в качестве субъекта инфинитивных предложений → «неизбежность»: и повѣдаше Нои. тако **быти** потопу. и посмѣхашася ему. (Пов. вр. лет.); 2) наличие слов и контекста конфессиональной семантики → «неизбежность»: Благославѣ же рѣ(че) вратѣ и с(ы)ну ѿ роженнаго мое(го) не шхвотитѣ есмь **быти** на кровопролитѣ. но сего мѧ довелѣ вратѣ мои. да се есмь оуже на сѧ(м) мѣстѣ. а то Б(ого)ви **судити** и тѣ поклонницѧ ему и ѣхаста въ своя полкы. (Ипат. лет.); 3) влияние метатекста в юридических текстах → «неизбежность, детерминированная законом»: ѿ оувинствѣ. Яже кто оувинствѣ княжа мюужа. въ развои. а головника не нщють то вирьвноую **платити**. въ чьен же върви голова лежитъ. то 80 гривенъ паки людинъ. то сорокъ гривенъ. (Рус. Пр.); 4) выражение определенных модальных значений с использованием грамматических форм в качестве сигнала. (напр., частица *бы*) → «желательность». Но что касается модального значения «желательности», то в древнерусском языке периода ранних памятников были представлены только инфинитивные предложения без частицы *бы*. Формирование частицы *бы* относится к концу XIV–XV веков. В настоящей работе мы приходим к заключению, что в период древнерусского языка (XI–XIV вв.) функция слова *бы* была неоднозначна. Порой оно выступает как аорист 2 и 3-го лица, хотя реже, чем конструкции «*высть+И*», порой имплицитно модальное значение желательности. Кроме того, только когда в качестве субъекта действия выступает обобщенное лицо, автор позволяет читателю использовать информацию, зависящую от его фонда знаний.

Что касается модального значения «отрицательность», то немаркированное отрицательное модальное значение означает невозможность. В принципе, модальное значение «невозможность» есть результат сочетания «возможности» и «отрицательности».

Однако если в инфинитивных предложениях проявляются маркированные отрицательные модальные значения, т. е. какие-либо модальные значения помимо «невозможности», то сочетаемая с «отрицательностью» иная модальность осознанно подчеркнута в тексте. Конкретнее, когда в инфинитивных предложениях при наличии долженствования действует отрицательность, то вместе с отрицательным значением непременно выступает сильная интенция автора/говорящего: О задницѣ. Яже оумрѣть смрѣдѣ, то задница князю; аже воудѣуть дѣчери оу него дома. то **дати** часть на нѣ; аже воудѣуть за мюужинѣ, то **не дати** имѣ части. (Рус. Пр.) В итоге данное модальное значение приближается к значению

«запрещение». Если при неизбежности наличествует отрицательность, то тем самым акцентируется Божья воля или сила судьбы: *Тому вѣщи Божіа и първои пригѣвкѹ, смѣслннѣи, рѣчи: Ни хѣтрѹ, ни горавдѹ, ни пытьцю горавдѹ сѹда Божіа ни линѹти!* (Сл. о п. Иг.) и появляется значение неизбежности.

По нашему наблюдению, первое маркированное модальное значение часто встречается в памятниках деловой письменности, а второе – в текстах с конфессиональным контекстом.

Глава V «Общность модальных и временных значений между инфинитивными предложениями и инфинитивными конструкциями с формами глагола *быть* в древнерусском языке» посвящена анализу актуализации модальных значений в инфинитивных конструкциях с формами глагола *быть* в древнерусском языке. На основе предложенного нами принципа актуализации модальных значений мы рассматриваем структуру и модальные значения конструкций «*быть+И*».

Анализ текстов древнерусской письменности показал, что в инфинитивных предложениях и конструкциях «*быть+И*» процессы актуализации модальных значений одинаковы. Различие между ними состоит в наличии или отсутствии формы, выражающей акт «временная локализация». В отличие от инфинитивных предложений, конструкции «*быть+И*» могут выразить «временную локализацию» так же, как другие предложения в русском языке при помощи форм глагола *быть*. Что касается конструкций «*было+И*», то между ее семантическим и грамматическим значениями не возникает противоречия в установлении временного значения, потому что инфинитивные предложения не могут выразить прошедшее время, которое не свойственно самим инфинитивам в древнерусском языке: *Ѣже вѣлю творити штрѹкѹ мѡмѹ то сам ѡсмь створилъ дѣла.* (Поуч. Влад. Мон.). При использовании конструкций «*есть+И*» и «*будет+И*» инфинитивные предложения выражают реальность, запрограммированную в будущем, и конструкции «*быть+И*» с формами глагола *быть* настоящего и будущего времени становятся фактом плеоназма, или тавтологичности, по отношению к инфинитивным предложениям без форм глагола *быть*.

В древнерусском же до XIV века слово *бы* как форма аориста глагола *быть* вносило в общее значение конструкции с инфинитивом оттенок прошедшего времени.

Но, одновременно, в памятниках раннего периода конструкции «*бы+И*» уже не обозначало фактически бывшего события в условиях прошедшего времени. К.А. Тимофеев указывает, что несколько из данных конструкций называет действие в плане желательного наклонения³: ... и много глаголаху

³ Тимофеев К.А. Заметки из истории инфинитивных предложений // Академику Виктору Владимировичу Виноградову к его шестидесятилетию. М., 1956. С. 251.

на нь, нѣ совѣ на грѣхѣ. О семъ вы разумети комуждо насѣ: которын епископѣ тако украси святую Софию... (Новг. I. лет.)

Слова *ѣсть* и *вѣдет*, как маркеры проявления «временной локализации», актуализируют момент высказывания: вѣдѣти ѣсть монастырь славнѣ сущѣ на мѣстѣ томѣ. (Жит. Феод. Печ.). Кроме того, когда конструкции «*будет+И*» с субъектом первого лица обнаруживаются в юридическом тексте, можно отметить другой эффект. В юридическом тексте автор выражает «абсолютную интенцию», где долженствование по отношению к себе становится минимальным благодаря использованию маркера временного значения – слов *ѣсть* и *вѣдет*. Автор подчеркивает значение будущего времени, актуализированное в акте «временная локализация», и ему удастся ослабить значение долженствования: а гдѣ ми вѣдѣть всѣсти на конѣ, всѣсти вы со мною; а гдѣ ми вѣдѣть самому не всѣсти, а вѣдѣть ми вѣстѣ послѣдѣти, всѣсти вы на конѣ вѣстѣ ослушаны. (Договорная грамота великого князя Симеона Иоанновича с братьями его родными князем Иваном и князем Андреем. 1341 г.).

С исторической точки зрения, конструкции «*быть+И*» представляют собой первичную структуру. В период XI–XIV вв. видовая система русского глагола совершенствовалась, и инфинитив сам по себе в известной мере получил способность выражать временное значение на базе видового. Вследствие этого, из конструкций «*ѣсть+И*» устранился глагол *ѣсть* в качестве маркера уточнения настоящего времени в момент высказывания. Таким образом в русской грамматике формировались сегодняшние инфинитивные предложения. После этого конструкции «*будет+И*» постепенно теряют свою продуктивность. Правда, ограниченное употребление конструкций «*будет+И*» наблюдается в обиходно-бытовой речи.

Глава VI «Сопоставительный анализ модальных значений инфинитивных предложений в памятниках древнерусского языка в переводах на современный русский и польский язык». В результате анализа оказывается, что в русских переводах древних текстов инфинитивные предложения в современном языке (XIX–XX вв.) сохраняются как активная конструкция, специфичная для передачи модальных значений. Сохранность ее, наряду с другими факторами, обусловлена значительной степенью экспрессии (интенции) в передаче модальных значений. В современном польском языке при переводе инфинитивных предложений с древнерусского оригинала, чтобы избежать такого явления, как русификация, в которое включаются и инфинитивные предложения, используются другие типы сказуемого. Польские переводы подтверждают адекватность тех значений, которые определяются у инфинитивных предложений в нашем исследовании.

При переводе инфинитивных предложений на польский язык необходимо использовать различные способы четкого выражения модальных значений, потому что в синтаксисе современного польского языка инфинитивные предложения считаются неполными предложениями. Польские синтаксисты, отмечая разные модальные значения, выражаемые инфинитивными предложениями, указывают, что эти значения не вытекают из самих инфинитивных предложений, а обусловлены «пропусками» вспомогательных глаголов и иных вспомогательных слов. Следовательно, они считают, что надо восполнить пропущенные модальные слова: «они же рѣша вѣрѣмъ Б(ог)у а Бохмѣтъ нѣ оучитъ гл(агол)а вѣрѣзати оудѣ тѣмъ нѣ и свининѣ нѣ пастѣ вина нѣ пити [а по с(ъ)мр(ъ)ти же реч(ѣ) со женами похотѣ твердити влоуднѣю]... (Пов. вр. лет.); *Oni zaś rzekli : "Wierzymy w Boga, a Mahomet nas naucza, każąc obrzezać członki wstydlive i świniny nie jeść, wina nie pić, za to po śmierci, mówi, można z niewiastami używać rozpusty...*" В данном примере деепричастие «każąc (приказывая)» управляет последующими инфинитивами (obrzezać, nie jeść и nie pić), значение приносит в предложения долженствование.

В польском языке сохраняется и активно функционирует конструкция, утраченная (практически полностью, сохраняющаяся лишь как архаичная в официально-канцелярском стиле речи) русским языком имѣти (имати) + инфинитив, которая передавала значение долженствования или необходимости; в некоторых русских текстах она встречается, хотя и не столь часто. Сохранность ее в польском снижает необходимость в инфинитивных предложениях.

Кроме того, чтобы уточнить модальные значения при помощи добавления модальных слов, польские переводчики часто используют способ изменения синтаксических позиций, акцентирующих субъект и объект. Конкретнее, они переводят инфинитивные предложения в неопределенно-личные или определенно-личные предложения: *А мати рѣ часть дѣлѣмъ нѣ надовѣ, нѣ комоу мати дасть, томоу же взати, дасть ли вѣсѣмъ, то все раздѣлѣтъ; взѣтъ языка ли оумрѣтъ, то оу кого боудѣтъ на дворе бѣла и кто ю кърмѣтъ, то томоу взати. (Рус. Пр.); *A matczyzna część dzieciom nie potrzebna, lecz komu zechce, temu da, jeśli da wszystkim, to wszyscy się rozdzielą; bez języka li umrze, tedy w czyjim domu była, i gdzie umarła, i kto ją karmił, to ten weźmie.* В этом примере в польском переводе инфинитивное предложение обнаруживается только один раз (*weźmie się*). Кроме того, появляются неопределенно-личные предложения, которые в свою очередь влекут изменение синтаксических позиций, акцентирующих субъект и объект (*иму положить* → *on naznacza się*; *тому взати* → *temu „ktoś” da*). Следовательно, в данном случае модальные значения, выраженные инфинитивными предложениями, не предполагаются.*

В **Заключении** приводятся обобщения и излагаются основные выводы исследования.

Рассматривая модальность в ракурсе текстового эффекта, мы хотим обратить внимание на то, что, во-первых, в коммуникативном микротексте определение модальных значений в инфинитивных предложениях зависит от соотношения лиц – автора/говорящего и субъекта. Эти соотношения определяют 1) реальность или ирреальность высказывания и 2) соответствующие ирреальные модальные значения. Во-вторых, в коммуникативном макротексте особый контекст, фонд знаний читателя и метатекст в специальном тексте могут влиять на восприятие и определение модальности инфинитивных предложений.

Модальные значения инфинитивных предложений в древнерусском языке имели свои особенности актуализации.

Во-первых, в древнерусском языке видовая система глагола была в синкретическом состоянии. В современном языке различие модальных значений инфинитива с отрицанием можно объяснить противопоставлением видов инфинитива. Достаточно четко проявляется закономерность, когда инфинитивы совершенного вида с отрицанием передают модальность «невозможность», а инфинитивы несовершенного вида с отрицанием – «запрещение». В древнерусском языке видовая дифференциация глаголов проводилась не до конца последовательно. Вышеназванное отношение между видом глагола и модальностью показывает, что в данный период не наблюдается зависимости между глагольным видом инфинитива с отрицанием и его модальным значением.

Во-вторых, в памятниках древнерусского языка инфинитивные предложения большей частью проявляются в прямой речи. Данное наблюдение доказывает, что инфинитивные предложения принадлежат преимущественно народной речи в Древней Руси, отличающейся от церковнославянского языка.

В-третьих, в инфинитивных предложениях современного русского языка частица *бы* функционирует только как маркер модальности «желательность», но в древнерусском языке (XI–XIV вв.) слово *бы* выступало как форма 2-го и 3-го лица аориста глагола *быть* и могло сочетаться с инфинитивами в инфинитивных конструкциях. Поэтому в древности, чтобы выразить простую желательность, использовалось составное глагольное сказуемое, состоящее из личной формы модального глагола и примыкающего к нему инфинитива: *Хочу главѹ свою приложити, а люю испити шиломъ Донѹ*. (Сл. о п. Иг.).

В-четвертых, в отличие от современных текстов, в памятниках древнерусского языка при актуализации модальных значений в инфинитивных предложениях велико влияние на тексты религиозной этики и христианского мировоззрения. Если автор или говорящий хочет выразить неизбежные, предопределенные или фатальные действия, то употребление

инфинитивных предложений создает сильный динамический эффект.

* * *

Почему мы прибегали к объективным способам определения и классификации модальности? По нашему мнению, истолковать инфинитивные предложения – значит найти способ устранить ошибочный субъективизм в восприятии модальной семантики инфинитивных предложений. Если удалось исключить неправильный субъективизм автора/говорящего текста или читателя, то субъективизм самих лингвистов является большим препятствием для правильного истолкования модальности в инфинитивных предложениях. Этой проблеме особое внимание уделил З.К. Тарланов, отметивший, что «семантический принцип не избавляет от субъективизма. Поскольку исследователи отталкиваются при этом от субъективного понимания смысла инфинитивного предложения в каждом конкретном случае, то классификации, предлагаемые разными авторами, заметно отличаются друг от друга и, будучи слишком общими, не охватывают всего многообразия рассматриваемых конструкций»⁴. С этим авторитетным мнением нельзя не согласиться. Только когда лингвисты осознают, что они сами выступают в качестве «метачитателя» текста и устранят свой метатекст наподобие «я считаю, что...», тогда, наконец, мы сможем сделать верный шаг в семантическом анализе.

---

⁴ Тарланов З.К. Об основных проблемах изучения инфинитивных предложений в русском языке // Уч. зап. Карельского педагогического института. Т. 16. Гуманитарные науки. Петрозаводск. 1964. С. 134–135.

Публикации по теме диссертации:

1. К вопросу о классификации модальных значений в инфинитивных предложениях древнерусского языка // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология, востоковедение, журналистика. СПб., 2008. Вып. 2. ч. 1. С. 52–55;
2. Модальные значения инфинитивных предложений в «Русской Правде» // Материалы XXXV международной филологической конференции. Вып. 6. История русского языка и культурная память народа. СПб., 2006. С. 15–19;
3. Об употреблении безличных инфинитивных предложений в «Повести временных лет» // Славянские исследования (Slavic studies). №53. Саппоро (the Slavic Research Center). 2006. С. 241–265. (на японском языке, резюме – на русском языке);
4. О соотношении типов предложений и модальности в «Русской Правде» // Бюллетень японской ассоциации русистов. №38. Токио. 2006. С. 64–70. (на японском языке, резюме – на русском языке);
5. Синтаксическая закономерность инфинитивных предложений в древнерусском языке (на материале «Повести временных лет») // Материалы международной научной конференции – Общая тенденция русских лингвистических учений – М., 2007. С. 69–78;
6. Инфинитивные предложения в древнерусском языке (XI–XIV вв.) в свете теории функциональной грамматики // Бюллетень японской ассоциации русистов. № 39. Токио. 2007. С. 10–17. (на японском языке, резюме – на русском языке);
7. Критерии актуализации модальных значений в инфинитивных предложениях древнерусского языка // Материалы XXXVI международной филологической конференции. История русского языка и культурная память народа. СПб., 2007. С. 7–15;
8. Факторы, ограничивающие модальные значения в инфинитивных предложениях древнерусского языка (XI–XIV вв.) // Современная филология: актуальные проблемы, теория и практика. Сборник материалов II международной научной конференции. Красноярск. 2007. С. 211–214;
9. К вопросу общности модальных и временных значений между инфинитивными предложениями и инфинитивными конструкциями с формами глагола *быть* в древнерусском языке // Языковая система и речевая деятельность: лингвокультурологический и прагматический аспекты. Вып. I. Материалы международной научной конференции, посвященной памяти профессоров А.Н. Савченко, М.К. Милых, Т.Г. Хазагеров. Ростов-на-Дону. 2007. С. 16–17;
10. Влияние волюнтаристичности на выбор модальных значений в инфинитивных предложениях «Повести временных лет» // Русская

- филология 19. Сборник научных работ молодых филологов. Tartu. 2008. С. 165–169;
11. Заметки из истории изучения инфинитивных предложений русского языка // Материалы международной научной конференции – Общая тенденция русских лингвистических учений – Нижний Новгород. 2008. С. 70–83;
  12. Исследование модальных значений в инфинитивных предложениях древнерусского языка // Славянские исследования (Slavic studies). № 55. Саппоро (the Slavic Research Center). 2008. С. 155–182 (на японском языке, резюме – на русском языке);
  13. To be, or not to be: this is the question – референция и модальность // Материалы XXXVII международной филологической конференции. История русского языка и культурная память народа. СПб., 2008. С. 8–19;
  14. Понятие «внеинтенциональность» в ирреальной модальности инфинитивных предложений // Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты. Материалы VIII международной научной конференции. М.–Ульяновск. 2008. С. 58–62;
  15. Отрицание – вариант модальных значений в инфинитивных предложениях русского языка // Материалы международной научной конференции «Leksyka w komunikacji językowej III». Gdańsk. 2008. С. 120–124;
  16. Временная ось и интенциональность как инвариантные критерии в установлении модальности в инфинитивных предложениях // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. Ростов-на-Дону. 2008. № 2. С. 61–72.

2—